

Орфография и пунктуация в книге приведены в соответствие с современной нормой, однако сохранены некоторые особенности авторских написаний, несущие смысловую нагрузку или отразившие речевой этикет конца XIX — начала XX века. Орфография названий литературных произведений и периодических изданий в тех случаях, когда она отражает широко бытовавшую практику, сохранена.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Александра Викторовна Богданович (1846–1914) была хозяйкой одного из крупнейших светских салонов Санкт-Петербурга в царствование Александра II, Александра III и Николая II. Ее муж, Евгений Васильевич Богданович, занимал видное место в государственной иерархии Российской империи — генерал от инфантерии, член совета министра внутренних дел. С конца XIX в. он состоял старостой Исаакиевского собора, и, являясь почетным членом правления «Исаакиевского братства», издавал религиозные сочинения для широкой публики.

Хозяйка салона знала многое и многих. Ее гости откровенно обсуждали политику и личные качества государственных мужей, здесь создавались и рушились репутации, нередко оглашалась конфиденциальная информация, способная ускорить возвышение одних и падение других, тут формировалось «общественное мнение» высшего света империи. На протяжении более тридцати лет, пока существовал салон Александры Викторовны, она вела личный дневник. Перед читателями пройдет череда государственных деятелей, вершивших судьбы Российской империи в последние десятилетия ее существования, а также тех, кто хоть сам и не управлял ею, но в силу различных обстоятельств находился близко от «правлящих сфер» и тем или иным образом влиял на них.

Салон госпожи Богданович посещали министры, влиятельные чиновники, военные и полицейские чины, церковные иерархи, дамы петербургского света и полусвета эпохи модерна, известные столичные журналисты, корреспонденты иностранных газет, крупные финансовые дель-

цы, общественные деятели консервативных убеждений. Отсутствие до 1905 г. в стране политических свобод, легальных политических партий и независимой прессы, строгая регламентация разрешенных форм общественной деятельности повышали роль неофициальных собраний и неформального общения. У подножия трона теснились те, кто хотел сделать государственную карьеру, приобрести состояние, чины и власть, удовлетворить свои амбиции и честолюбие. Эти круги оказывали значительное влияние на курс государственной политики. Симпатии монархов менялись, еще недавно все- сильные временщики уходили со сцены, их сменяли другие, использовавшие для возвышения благоприятный случай и «тайные рычаги» светского Петербурга.

Дневник Александры Богданович — чрезвычайно интересный источник, отражающий умонастроения и взгляды значительной части петербургского бомонда на переломном этапе российской истории — в период кризисов, войн и революций. Этот документ, тщательно скрывавшийся хозяйкой от посторонних глаз, после ее смерти и революции 1917 г. стал достоянием общественности. Госпожа Богданович вела свои личные записи, не предполагая, что когда-то они будут опубликованы. Искренность, с которой она выражала свое мнение, выгодно отличает ее личный дневник от любых мемуаров, автор которых вольно или невольно пытается представить себя современникам и потомкам в наиболее выгодном свете. Тем интереснее читать заметки этой петербургской аристократки, которые дают яркую, многокрасочную картину высших слоев российского общества имперского периода. Многие аспекты истории Российской империи того времени становятся гораздо ясней и понятней, когда с помощью автора дневника заглядываешь за кулисы власти.

Александра Богданович коснулась многих ключевых событий российской истории конца XIX — начала XX в.: движение народолюбцев, убийство Александра II, смерть Александра III и воцарение Николая II, Ходынка, русско-японская война, Кровавое воскресенье, революция 1905–1907 гг., убийство П.А. Столыпина и многое другое. Не обходит она молчанием личные качества самодержцев и людей из ближайшего их круга. Для того периода столь же информативных свидетельств опубликовано пока довольно мало. И что весьма ценно, для восприятия всей этой многогранной информации от

читателя не требуется профессиональной подготовки и специальных знаний. Тот, кому интересно прошлое нашей страны, кто хотел бы познакомиться подробнее с событиями завершающего этапа истории Российской империи, с теми ощущениями и настроениями, которыми жили люди того времени, непременно получит удовольствие от чтения этой книги.

1879 год

11 февраля. Сегодня как громом меня поразило известие о покушении на жизнь Кропоткина. Рана, говорят, смертельная. Неужели опять начнется ряд убийств? Того гляди, что они снова взволнуют всю Россию. И как до сих пор не найти нити, откуда все это исходит? Опять убийца не пойман...

Мельников рассказывал: когда к Суворову приехал гр. Евдокимов, после того как получил Андреевскую звезду, Суворов его спросил: «Ожидали ли вы, когда были военным писцом, дожить до таких великих почестей?» На это Евдокимов отвечал: «Ожидал ли когда-нибудь знаменитый полководец Суворов, что у него будет такой внук, который известен своей глупостью и нетрезвым поведением?» Нельзя обоих похвалить, оба слишком резко выражались.

12 февраля. Много говорят, что в беспорядках принимает участие одно высокостоящее лицо. Москва называет Константина Николаевича, которому не добраться никогда до верховной власти, оттого, говорят, он и мутит... Еще ребенком он говорил, что он должен наследовать, что он — сын царя, а наш царь — сын наследника.

14 февраля. Опять масса необъяснимых фактов, порожденных прошлогодним оправданием Веры Засулич. Убийство Кропоткина (так же метко поражен, как Мезенцев), воскресная история в Киеве, где стреляла толпа залпами в полицию и жандармов (до сих пор все еще сбивчивые сведения), — как говорят, осталось на улице четверо раненых, один убитый. Вчера по городу явились прокламации, извещающие, что социали-

6 сты «казнили» Кропоткина. До сих пор горсть людей

действует безнаказанно, тревожит целое государство — и нельзя ее накрыть. Она же смеется над правительством, печатает брошюры, выпускает прокламации, судит своим кровавым судом. И что же, мы все удивляемся и недоумеваем, что нам делать. Утром объявлен арестанту приговор, что он будет судим военным судом, вечером — месть за арестанта Фомина, и Кропоткин сражен пулею. Точно так же было и с Мезенцевым. В день его убийства был исполнен приговор в Одессе над арестантом Ковальским, которого расстреляли, — они отомстили за Ковальского убийством шефа.

Петербург — чума. Объявил Боткин. Вот шарлатан! Он этим известием разоряет Россию, действует на руку Биконсфильду. Такие люди опасны. Теперь он — спаситель России, спаситель царствующего дома. Вследствие этого известия и мер, принятых для удаления больных, он является охранителем всего Петербурга. Что теперь скажут в Германии и Австрии? Теперь от нас совершенно запрутся.

10 марта. Найдены две типографии социалистов — на Голодае и на Гутуевском острове. Замешано много людей, ежедневные аресты, замешаны артиллеристы, говорят — одиннадцать человек, называют Зиновьева, Васильева. Вышла прокламация, также номер их социалистического журнала, дурно напечатанный; они извиняются, что у них остался только дурной шрифт, хороший у них отняли. Все это напечатано. Вот дерзость! Главных никто никак не заберет.

11 марта. Читала сегодня все газеты. Суворин в своем фельетоне нападает на жидов, говорит о совместном путешествии старца Краевского с Поляковым, жидом, потом переходит к Цитовичу, который сделался так популярен своими брошюрами, волнующими умы молодежи. Он находит, что, несмотря на то, что эти брошюры написаны с разрешения правительства, не мешало бы к ним написать следующий эпиграф: «Подцензурный период печати, чтение между строк и умение писать так, чтобы можно было читать между строк, внесли в общество сумятицу». Совершенно справедливо. Много толков и беспорядков вызвали эти брошюры, якобы написанные с разрешения правительства.

Пример выдающегося факта из одесской практики. Отставной солдат наступил на улице на шлейф местной аристократки. Местный жрец Фемиды приговорил его к двух-

недельному аресту, мотивируя свое решение «оскорблением действием известной части тела», очевидно, на сей раз принимая шлейф за известную часть тела.

Фельдмаршала Барятинского с почестями хоронили в его имении «Деревеньках» по Курско-Киевской дороге. Человек, любивший быть окруженным и иметь двор, умирает один в деревне. Некому было известить государя. Узнали только на второй день.

13 марта. «Молва» нападает на И.С. Аксакова и говорит, чтобы он выбирал одно из двух: или славянская пропаганда, или управление банком; или правильность банковых операций, или благотворительность.

Опять новое покушение, но, слава богу, не удавшееся. Стреляли в Дрентельна, который не ранен. Пробило оба стекла в карете. Дрентельн гнался за убийцей, но тот успел скрыться. Удивляюсь ненаходчивости полиции: видеть человека, верхом скачущего, за ним карету, догоняющую ездока, и не преследовать! Дрентельн даже выскочил из кареты, сел на извозчика, но в ту же минуту увидел лошадь в руках городского; седок же успел взять извозчика и скрыться.

Во время предания земле в Москве тела убитого князя Кропоткина преосвященный Амвросий сказал слово, в котором развивал мысль, что во всех этих беспорядках виновато «передовое сословие». Говорят, что он этим хотел укорить дворянское сословие, что многие отстали от церкви, что теперь проповедают свободу совести, свободу слова, что мало интересуются вопросами религии.

14 марта. Говорили много о покушении на жизнь Дрентельна. Многие говорят, что встречали на улицах много дурно одетых статских верхами, которые близко подъезжают к разным экипажам, вероятно приучая лошадей.

Рассказывают, что три или четыре дня тому назад у Дрентельна обедали двое его приятелей. После обеда они перешли в кабинет, где на столе увидели социалистический журнал «Земля и Воля». Номер был не тщательно напечатан. Дрентельн сделал это замечание и нашел, что довольно литературно написано. На другой день он получил письмо, в котором социалисты его благодарят за то, что нашел, что хорошо написано, что само правительство виновато, что дурно напечатано, но

8 обещают, что скоро это исправят. Вот люди!..

17 марта. Вчера обед очень удался. Говорили о Дрентельне, о покушении на его жизнь. Рассказывали, что в последнее время за ним все следил переодетый человек сысской полиции. Уже раз тот или другой верховой преследовал его карету, вынул револьвер. Переодетый сыщик сделал то же, тогда незнакомец быстро скрылся. В день покушения полицейский не тотчас поехал за Дрентельном, который в этот день выехал из дому ранее обыкновенного. Все это было рассказано Зуровым, который должен хорошо знать.

2 апреля. Утром, в 9 часов, злодей стрелял в государя, но бог спас царя.

Собранные и рассказанные разными лицами подробности.

Маков, видевший государя через полчаса после покушения, рассказывал, что государь сам ему говорил, что, пройдя Певческий мост, с ним встретился человек в штатском пальто, в фуражке с кокардой, который, поравнявшись с государем, остановился и отдал ему честь. Лицо этого человека обратило на себя внимание царя. Он невольно обернулся и в ту же минуту увидел пистолет, направленный на него. Оборотившись, государь миновал опасности. Пуля пробила стену дворца, где и засела. Злодей прицелился во второй раз — царь уклонился влево, преступник прицелился в третий раз — царь опять уклонился. В это время подоспел жандармский офицер Кох, он свалил преступника, который успел дать еще два выстрела. Одним из них ранен переодетый стражник Милошевич. В это время выскочил из своей квартиры Павел Андреевич Шувалов. Государь сел в его коляску и подъехал ко дворцу. Маков видел его уже совершенно спокойным.

Салов приехал из дворца. Государь очень громко, очень спокойно говорил в Белой зале собравшимся дворянам. Десять минут «ура» не прекращалось, говорят, не запомнят такого восторга, многие плакали. Салову говорили, что государь узнал, что его спасло. Государь высокого роста; человек, который стрелял, тоже высокого роста. Слава богу, что этому не удалось убежать.

Е.В. встретил Николая Николаевича. Он положительно летел в коляске во дворец, адъютант на козлах. Потом обратно, влетел в Конногвардейские казармы объявить о страшном случае. Михаил Николаевич, узнав, без фуражки прибежал во дворец.

Змачинский говорил, что государь, убегая от злодея, потерял фуражку. Е.В. посоветовал этому офицеру не

распускать таких слухов, особенно ему, фамилия которого оканчивается на «ский».

Митрополит рассказывал, что царь пришел очень осторожно объявить об этом императрице, чтобы ее не напугали другие. Сказал, что господь в третий раз спас его от руки убийцы.

Бильбасов рассказывал, что он с женой был в толпе, ожидая появления государя на балконе. Он услышал слова: «Если патриот — кричи «ура», если социалист — то молчи». Слова эти были произнесены человеком, одетым мастеровым; народ, близ стоявший, спокойно их слышал и ничего с этим человеком не сделал.

Косаговский видел злодея, говорит, что противная рожа (его слова). Он принял яд, цианистый калий, который был у него в ногтях, но не отравился. Его стало рвать, потом ему дали антидоты. Одет был сверху прилично, а когда сняли чистую рубашку, под ней оказалась старая грязная ситцевая рубашка. Назвался он отставным чиновником Соколовым, служил, говорит, в Министерстве финансов, потом говорит, что у него много фамилий. Стрелял в государя, потому что не доволен, как он управляет...

Когда Косаговский подошел к злодею, тот, услышав его имя, открыл глаза и посмотрел на него. Косаговский говорил: верно, посмотрел на меня, чтоб заметить мое лицо, в случае, если ему придется убежать... Все время лежит без движения, отказывается есть, курить, глаза закрыты.

Бильбасов рассказывал, что за пять дней до покушения германское тайное агентство прислало зашифрованные телеграммы на имя Адлерберга, а потом депеши к Дрентельну, спрашивая его, что они, т. е. русское правительство, намерены предпринять по получении этих телеграмм. Дрентельн будто бы отвечал, что он никаких депеш не получал и не знает, почему ему делают этот вопрос, что никаких депеш они не посылали. По вторичному утверждению в посылке ими депеш было приступлено к разведыванию, где находятся эти депеши. Они оказались на столе у Адлерберга, который никогда не берет на себя труда что-либо распечатать. Берлинский тайный комитет извещал, что социалисты намереваются сделать покушение на жизнь государя, или на обоих разом — царя и наследника, или же на всю семью царскую одновременно, но что покушение будет непременно. И такая депеша лежит распечатанная на столе у ленивого министра!

10   **3 апреля.** Вчера Маков рассказывал, что три дня сряду около дворца бросали маленького формата листки

с надписью: «Смерть злодею, смерть тирану!» Один такой листок был поднят самим государем.

Вечером рассказывали, что убийца был не один. Один, видя своего товарища схваченным, укрылся, и его не нашли. Другой вбежал в ворота Главного штаба, ворота оцепили, и до сей минуты он еще не найден. Говорят, был извозчик, который их ожидал. По рассказам одних: государь бежал, за ним убийца, и государь кричал: «Спасите меня!» Поравнявшись с комендантским подъездом, навстречу государю вышел один из гренадеров дворцовой роты и повалил злодея. В народе говорят, что этот фельдфебель, спасший царя, произведен в офицеры. Имя преступника — Соловьев.

Говорят также, что задержана та карета, из которой был сделан выстрел в Измайловском полку в генерала; она стояла в ожидании этого Соловьева, который должен был с извозчика пересест в нее и спешить на Варшавский вокзал к 11-часовому поезду. Все было предусмотрено, чтобы в случае удачи они могли попасть на поезд. В карете находился какой-то человек, но скрывают, кто и взят ли.

4 апреля. Сегодня все редакторы *in cogrore*¹ были у Макова. Оттуда приехал Бильбасов, очень взволнованный, и рассказал, что там произошло. Маков обратился к редакторам с речью, в которой говорил, что за последнее время все газеты говорили много лишнего, особенно четыре газеты распространяли ложные, тенденциозные известия. Из них три: «Неделя», «Русская правда» и «Русский мир» уже закрыты, а что касается четвертой, «Голоса», — он обратился к председателю цензуры Григорьеву и сказал: «Прошу закрыть эту газету на шесть месяцев, дав ей третье предостережение за передовую статью, где разбираются слова “*Rèpublique francaise*”² и где об этом преступлении говорится: “... столь же мало оправданное, сколь и бесполезное”. Вообще эта газета давно уже имеет вредное направление и пагубно влияет на общество». Бильбасов прервал его, сказав, что он, Маков, не прочитал статьи, о которой говорит, что депеша, о которой говорится в этой передовой статье, была напечатана в «Правит. вестнике» и пропущена цензурой. Бильбасов требовал

---

¹ В полном составе (лат.).

² Французская республика (франц.).

сейчас же проверить. Маков ушел в кабинет, куда вскоре призвал Бильбасова и просил его извинения, говорил, что не понял так статью. Бильбасов сказал, что ему очень тяжело, что Маков, которого он уважает, заподозрил его в солидарности с темными подпольными людьми и т. д. Маков сказал, что поспешит взять назад свое распоряжение о закрытии «Голоса». Бильбасов ответил, что, будь он сам редактором, сегодня же он закрыл бы газету сам.

Говорят, в Ростове-на-Дону — бунт. Население освободило преступников из следственной тюрьмы, разнесло государственный банк. Казаки, посланные усмирить мятежников, отказались повиноваться и не пошли.

Государь сегодня проехал по Большой Морской в открытой коляске, казак на козлах и два верхом сзади. Тяжело это видеть.

Маркевич говорил, что Милютин после выстрела сказал Михаилу Николаевичу, что такие явления в духе времени.

Попов, адмирал, сказал Е.В., что он знает из достоверных источников, что преступник Соловьев очень проговаривается, что произведены многие аресты, очень серьезные.

6 апреля. Е.В. утром был у Посьета. Был Михневич. Условились втроем, что необходимо уничтожить самонадеянную барановскую комиссию, которая совсем не имеет *raison d'être*¹. Необходима комиссия при Министерстве путей сообщения и очень вредна вне его влияния, особенно находясь в руках такого фокусника, как Анненков.

Граф Ростовцев, разжалованный за антирусскую переписку с Герценом и теперь находящийся при вел. кн. Николае Константиновиче, который теперь в штатском платье, без права носить мундир, находится в Самаре, говорил сегодня об этом молодом человеке, что он положительно серьезен, любит учиться, большой семьянин.

Сегодня в «Правит. вестнике» напечатан указ Сенату. Петербург объявлен на военном положении, генерал Гурко назначен помощником к командующему войсками вел. кн. Николаю Николаевичу с правами генерал-губернатора. Усилена власть московского и киевского генерал-губернаторов, и временно будут назначены генерал-губернаторы в Одессу и Харьков. Давно пора!